

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич — аспирант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Исследование посвящено недостаточно изученной, особенно в регионально-сопоставительном ракурсе, ценностно-нормативной стороне российской безработицы. Его объектом выступают безработные, зарегистрированные в отделениях Федеральной службы занятости (ФСЗ) и конкретизированные на примерах «столичного» (Москва) и «провинциального» (Тамбов) городов. Предмет исследования — детерминанты и специфика, в том числе региональная, ценностей и норм безработных, негативные тенденции и возможность их организационно-управленческой минимизации.

Исследование проходило в три этапа («разведывательно-описательный», «прикладной» и «аналитический»).

Первый этап — предварительное теоретическое осмысление темы на основе отечественных и зарубежных литературных источников и экспертного опроса персонала и безработных в центрах занятости, формулирование гипотез. В ходе *прикладного* этапа осуществлен контент-анализ тамбовских и московских статистических и публицистических материалов. При этом акцентировались «социопортретные» характеристики безработных — социально-демографические, прежняя сфера профессиональной деятельности, длительность незанятости, формы переквалификации, а также тенденции явной и скрытой безработицы в регионах и меры ФСЗ. Изучены три тамбовские и пять московских городских газет, имеющих широкое распространение через подписку, киоски и индивидуальных агентов.

Проведен также заранее не планировавшийся анкетный опрос безработных в Тамбове и Москве. Его необходимость обусловлена недостаточным освещением предмета в периодике и статистике обоих городов и ограниченными возможностями экспертного опроса для прояснения заявленных гипотез.

В течение полутора месяцев с периодичностью в неделю посредством анкеты в Тамбове опрошено 364 посетителя всех районных центров занятости (ЦЗ). Установлено, что посещения ЦЗ имеют рутинный характер и в момент опроса не подвержены воздействию политических, экономических и других изменений, способных вызвать «возмущение» посещаемости тех или иных социально-демографических и ценностно-нормативных групп; осенний «наплыв» выпускников учебных заведений котируется в соответствии с их долей в генеральной совокупности (11%) — анкетирование на основе репрезентативной вероятностно-стратифицированной выборки. Вследствие незаинтересованности руководства Департамента труда и занятости Москвы в проведении данного исследования (представление вх. № 1128 от 28 сентября 1994 г.) в Москве репрезентативность выборки была вынужденно нарушена, и вместо 14 пунктов регистрации безработных в различных районах города анкетирование проведено только в двух (273 посетителя), репрезентируя безработных лишь двух столичных районов. Это снизило ценность и ограничило эвристические возможности исследования, прежде всего в анализе количественных зависимостей, позволив тем не менее,

Распределение ответов на вопрос «Уменьшились ли Ваши возможности защищать, отстаивать собственные интересы после увольнения?» (в % к числу опрошенных в Тамбове ($N = 364$) и Москве ($N = 213$))

Варианты	Тамбов	Москва
Да	35,3	31,5
Нет	21,3	29,6
Затрудняюсь ответить	43,4	38,9

выявить московскую специфику и ряд закономерностей в ценностно-нормативной ориентации безработных.

Собранная эмпирическими методами информация позволила, перейдя к *аналитическому* этапу, верифицировать первичные гипотезы и проинтерпретировать полученные данные, сформулировав одну из возможных концепций ценностно-нормативного аспекта российской безработицы.

В социальном слое безработных зафиксирована массовая нисходящая мобильность, преимущественно из-за массовых увольнений, вынужденной миграции и скрытой безработицы, ведущая к объективному ухудшению материально-бытовых условий, реструктурированию образа жизни, правил и норм морали и поведения, разнонаправленным сдвигам в социоструктурной (страты, сословия, власть, связи, производственно-потребительская ниша, каналы защиты интересов) и социодемографической (пол — возраст — образование — доход) системах общества. «Ареной» подоб-

ных структурных изломов, предъявляющих противоречивые адаптационные требования к поведению, идентификациям и атрибуциям, в той или иной степени становится любой гражданин «переходного» общества. Однако на поливалентную поливекторность «вдруг» ставшего «полицентричным» социального пространства накладываются структурные противоречия, объективно обусловленные спецификой безработного состояния.

Главной проблемой, независимо от региона, становится ухудшение после увольнения материально-бытовых условий. Второе место принадлежит проблемам психологическим (названы: «сознание собственной ненужности, неполноценности», «угнетенное состояние», «депрессия», «стресс», «отсутствие жизненных стимулов», «недоверие ко всему», «полное безразличие к дальнейшей жизни», «чувство неопределенности», «отсутствие перспектив», «неуверенность в завтрашнем дне», «социальная незащищенность», «моральное и духовное унижение», «одичание», «выброшенность из жизни»). Третье — проблеме «нахождения новой работы».

Увольнение сказывается также на возможности отстаивать свои интересы (большая доля нейтральных ответов обусловлена прямым вопросом, заданным с целью фиксации явного уменьшения, если таковое имеется (табл. 1)). Уменьшение возможностей/средств защищать интересы характерно для 1/3 безработных (в Тамбове несколько больше); возможности не уменьшились у 1/5 тамбовчан и 1/3 москвичей. При равном соотношении положительных и отрицательных ответов в Москве соответствующие доли безработных в Тамбове различаются в 1,7 раза. Это свидетельствует о различном отношении к изменению собственных возможностей в «столице» и «провинции», предположительно обусловленном объективными возможностями поиска работы в условиях более развитого столичного рынка труда и существующими социальными стереотипами.

Несмотря на переквалификацию и другие формы временной занятости (возможные неудачи таких поисков в ходе экспертного опроса и на страницах газет сами безработные объясняют внешними причинами, тогда как персонал СЗ акцентирует «пассивность» и «иждивенчество» безработных в условиях предоставленных им «ши-

Распределение ответов на вопросы: «Будучи безработным, с кем Вы больше ощущаете духовную близость?» и «С какими из указанных групп Вы ощущали духовную близость до увольнения?» (в % к числу опрошенных в Тамбове и Москве; респонденты могли выбрать более одного варианта)

Варианты	До увольнения		После увольнения	
	Тамбов	Москва	Тамбов	Москва
С родственниками	34,9	36,1	64,3	60,7
С друзьями	38,2	45,9	42,3	55,7
С коллегами на работе	23,7	34,4	9,3	14,3
С товарищами по поиску работы	—	—	8,8	11,5
Ни с кем	3,3	3,3	2,7	3,3

роких возможностей»), профессиональная и трудовая активность после увольнения значительно сокращается. Число не участвующих ни в одной из форм занятости в Тамбове превышает соответствующее число москвичей в 1,7 раза, доля временно занятых в Тамбове меньше в 3,8, обучающихся — в 2,3, а «временно подрабатывающих» — в 7 раз. Значительное преобладание никак не участвующих в трудовой деятельности среди тамбовских и половина среди московских безработных способствует исчезновению «предметной наполненности» межличностного и профессионального взаимодействия, сужению областей позитивной референтности (Хаймен), числа и глубины эмоциональных и нравственно-ценностно-нормативных контактов в социальном поведении (табл. 2).

После увольнения в 2,5 раза уменьшается ценностно-нормативная и компаративная референтность по отношению к бывшим коллегам, и почти вдвое увеличивается референтность по отношению к родственникам. Возрастает (в Тамбове несколько больше) референтность по отношению к друзьям, и возникает новый референтный объект — «товарищи по поиску работы» (в Москве больше, чем в Тамбове, что предположительно связано с более творческим характером и многовариантностью поиска в столице). Увеличение значимости контактов с родственниками сплачивает семьи, в том числе на экономической основе общего «бизнеса» или совместного возделывания земельного участка, при этом, однако, свидетельствуя о вынужденном уходе значительного числа граждан из профессионально-производственной сферы и симптомах депрофессионализации и культурно-интеллектуального деклассирования. Ценностно-нормативный и поведенческий «уход» в семью, отношения с родственниками («кровно-родственные» или «родовые», часто сопровождаемые хозяйственно-экономическим коррелятом в виде натурального хозяйства) и в 1,5 раза меньший «уход» во взаимоотношения с друзьями свидетельствуют о «выпадении» из «общественной» (внесемейной) жизни, крайней общественной пассивности, конформности, замедленной и болезненной адаптации и формировании новой специфической субкультуры безработных. Особенно это характерно для малых городов.

Однако несмотря на высокие показатели «духовной близости» с родственниками и друзьями, соответственно 20,8% и 33,4% тамбовских и московских безработных не ожидают с их стороны поддержки, что говорит о вынужденности, искусственности, конфликтном характере и незавершенности обусловленного реструктурированием референтностей адаптационного периода.

Подобное смещение референтностей — признак несформированности почвы для образования общественных групп и движений безработных, вопреки идее об объективной общности их интересов. «Духовное» и социально-классовое единство с другими безработными возможно у 8,8% тамбовчан и 11,5% москвичей; следует принимать в расчет и отношения с бывшими коллегами (возможно, также находящимися под угрозой сокращения и имеющими ряд общих с безработными проблем). Таким образом, соответственно 1/5 и 1/4 безработных в Тамбове и Москве п о т е н ц и а л ь н о

готовы коммуницировать в общении свои ценностно-нормативные, в том числе политические, национальные и прочие ориентации. При этом в деятельности реальных общественных объединений участвуют всего 3,5 и 8,8% тамбовских и московских безработных. «Духовная близость», следовательно, основывается на общности материально-бытовых ценностей и «обыденных жизненных философий», возможно, политической референтности, но не простирается в область их институционализированного коммуницирования в форме общественно-политических движений и партий. Объединение в рамках общностей, отличных от обособленных прочной референтностью общностей семейно-родовых, возможно лишь при дальнейшем увеличении доли безработных в структуре трудоспособного населения и растущем влиянии отдельных политических партий и общественных движений (имеющем особое значение вследствие слабости российского гражданского общества).

Но даже показатели пассивной, не выраженной в партийной и иных формах участия, приверженности политическим лидерам и партиям, оказались неожиданно низкими. При низком пороге ценностной референтности сравнивать реальные приверженности трудно — для их глубокого изучения требуется более чувствительная шкала. Тем не менее подтверждается превышение доли сторонников коммунистов и либеральных демократов по сравнению с долей придерживающихся более «демократических» партийных ориентаций, а также превышение доли сторонников каждой партии в Москве соответствующей доли в Тамбове. Последнее вызвано существенно большим политическим нигилизмом «провинциальных» безработных. «Нигилизм» безработных в обоих городах характеризуется не только отсутствием позитивной политической референтности, но и сильной отрицательной референтностью в отношении в с е х партий: «ни одной партии не верю», «политикой уже давно не интересуюсь», «никому не верю: все говорят одно, а делают другое», «я за ту партию, которая бы обеспечила работой, стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне, а такой партии пока нет». Можно предположить, что если и возможны «гражданские» связи между безработными в рамках формирующегося гражданского общества, то их катализатором и «организационно-побудительной силой» будет какая-либо новая или значительно преобразованная старая партия.

Важным противоречием, синхронизированным с «изломами» идентификационных адаптаций переходного общества, является противоречие между распространенными в обществе предписаниями и ограниченностью закрытых средств их достижения. Это противоречие также предъявляет адаптационные требования и, помимо «аномических» поведенческих изменений, вызывает изменения (деформации) ценностно-нормативные. По результатам исследования фрустрируется большинство важнейших ценностно-нормативных ориентаций (значимость в целом слабо коррелирует с реализованностью, причем в Москве корреляция средних отрицательна и больше, чем в Тамбове по абсолютной величине — коэффициенты ранговой корреляции Спирмена - 0,5 и 0,2 свидетельствуют о большем расхождении среднестатистических оценок значимости и реализованности в Москве, чем в Тамбове). Наиболее значимой и наиболее фрустрированной является ориентация на материальное благополучие. В большей мере и с большей полярностью она выражена в Москве, причем равенство средних значимости и превышение тамбовской оценки реализованности ориентации на материальное благополучие свидетельствуют о более абстрактном и менее поведенчески-операционализированном характере ценностей материального благополучия в условиях меньшего «прессинга успеха» у тамбовских безработных (табл. 3).

Последние более склонны верить, что располагают необходимыми для достижения успеха возможностями.

Менее всего (особенно в Тамбове) фрустрируется ориентация на семью и воспитание детей, что свидетельствует о сохранении семьи как «последнего прибежища». Далее по величине фрустрации следуют ценности «интересной работы», «общения с интересными людьми» и «уважения в своем кругу». Поскольку материально-бытовые ценностные ориентации лежат в основании большинства известных потребностных

Средние по каждой из ценностно-нормативных ориентации в Тамбове и Москве (шкала 1—5)

Ориентации	Значимость		Реализованность		Фрустрация	
	Тамбов	Москва	Тамбов	Москва	Тамбов	Москва
1. Общаться с интересными людьми	4,22	4,27	2,95	2,92	1,27	1,35
2. Иметь:	4,57	4,51	3,59	3,47	0,98	1,04
семью и воспитывать детей						
интересную работу	4,46	4,53	2,23	2,38	2,23	2,15
Быть материально обеспеченным	4,73	4,73	2,25	2,13	2,48	2,6
Ощущать уважение в своем кругу	4,53	4,61	3,28	3,35	1,25	1,26

классификаций (Маслоу, Альдерфер), их наибольшая фрустрация представляет серьезную опасность для «пирамид» в целом, пронизывая последние восходящими эрозийными абберрациями. Возможный пример — ценностно-нормативный нигиизм. Так, для 16,3% тамбовских и 19,7% московских безработных не важна какая-либо одна из ценностей, для 5,0 и 5,8% — какие-либо две из них, для 1,8 и 3,5% — ни одна.

Анализ свидетельствует о социальных стереотипах и ценностно-нормативной специфике «столичных» и «провинциальных» городов.

Предложенная идеально-типическая дихотомия, несмотря на условность, не исчерпывает многообразия. Существенное отличие имеют ценности и нормы безработных в городах смешанных типов — столицах республик в составе Российской Федерации, Городах-спутников, «наукоградов», «закрытых» и других со специфичным социальным, образовательным, географическим и экономическим положением. Тем не менее фрагменты «столичного» и «провинциального» ценностно-нормативных комплексов в той или иной степени имеют место в любом из них. «Столичный» комплекс характеризуется сформировавшейся ориентацией на ценности материального благополучия и делового успеха и идеологией индивидуализма как особым образом организованным ценностно-нормативным конгломератом либо работающим механизмом «оценки ценностей» (Луман). В рамках такой ориентации безработица предстает неизбежным и закономерным социальным явлением с позитивной ролью в формировании рынка труда и неизбежностью негативных социальных последствий. Проблема безработицы перенесена на индивидуальный уровень при наличии определенных, различно оцениваемых представителями ряда социальных категорий, организационно-управленческих мер социальной поддержки. Такой подход объективно обусловлен значительно более высоким уровнем развития рынка труда с возможностями поиска работы и подработки и в целом соответствующим ему уровнем общественного сознания. Тезис об индивидуальном решении индивидуальных проблем занятости в «столице» подтверждает в 14 раз меньшая средняя плотность обзорно-аналитических статей о безработных и безработице в московской периодике (в том числе специальной газете Департамента труда и занятости), по сравнению с Тамбовской, при почти полном отсутствии внимания к сфере «сознания» безработных (упоминают или рассматривают более подробно эту сторону безработицы 3% статей в Москве и 38% в Тамбове). Перенос «социального центра» на индивида, необходимость думать и действовать на собственный страх и риск способствуют более четкой сформированности и осознанности индивидуальной значимости ценностно-нормативных ориентаций (превышение, по сравнению с Тамбовом, и меньшая доля нейтральных ответов по всем ориентациям) и дистанцированности (44,3% в Москве против 27,0% в Тамбове) от социальных проблем (уход от ответов и ответы типа

«меня больше интересуют мои дети», «пусть думают те, кто этим занимается» в открытых вопросах).

В «провинции» восприятие безработицы принципиально иное. О ее социальной неизбежности и экономической необходимости существует смутное представление: безработица воспринимается как «безобразие» и «крупный недосмотр» центральных и местных политиков, которые «наконец-то должны решить» эту «проблему». Меры поддержки предстают как форма избирательной социальной благотворительности. Это свидетельствует об унаследованных «провинциальными» безработными старосоветских идеалах социальной ориентированности и всеобщей занятости, объясняющих двенадцатикратное превышение предложенных тамбовскими безработными абстрактно-утопических мер: «уволить начальство», «поменять руководство», «разогнать спекулянтов», «работать на совесть».

По мере развития рынка труда и изменений, под влиянием средств массовой информации и объективных перемен в образе жизни, общественного сознания, проблема безработицы в «провинции» будет также переводиться на «индивидуальный» уровень с характерными «пунктирными» институционализирующе-сдерживающими рамками.